

ГЛАВА XX.

В тот день Эдит как бы невзначай поинтересовалась, посещал ли я еще раз подземную комнату в саду, в которой меня нашли.

"Пока нет", - ответил я. "Честно говоря, до сих пор я воздерживался от этого, опасаясь, что визит может слишком сильно возродить старые ассоциации для моего душевного равновесия".

"Ах, да! - сказала она. - Я могу себе представить, как это бы повлияло на тебя. Мне следовало бы подумать об этом."

"Нет, - сказал я, - я рад, что вы заговорили об этом. Опасность, если таковая и существовала, существовала только в течение первых дня или двух. Благодаря главным образом вам, и вашей семье, я теперь так твердо стою на ногах в этом новом мире. Если вы пойдете сегодня днем со мной, чтобы отогнать призраков прошлого, я буду вам крайне признателен".

Эдит сначала возражала, но, убедившись, что я говорю серьезно, согласилась сопровождать меня. Земляной вал, выброшенный из котлована, был виден среди деревьев из дома, и через несколько шагов мы оказались на месте. Все осталось так, как было на момент, когда работа была прервана обнаружением бетонной камеры, за исключением того, что дверь была открыта, и плита с крыши заменена. Спустившись по наклонным стенам котлована, мы вошли в дверь и остановились в тускло освещенной комнате.

Все было точно таким, каким я видел это в последний раз в тот вечер сто тринадцать лет назад, как раз перед тем, как закрыть глаза для того долгого сна. Некоторое время я стоял молча, оглядываясь по сторонам. Я увидел, что моя спутница украдкой разглядывает меня с выражением благоговейного и сочувственного любопытства. Я протянул ей руку, и она вложила в нее свою, мягкие пальцы ободряюще ответили на мое пожатие. Наконец она прошептала:

"Не лучше ли нам сейчас выйти? Вы не должны заходить слишком далеко. О, как это, должно быть, странно для вас!"

"Напротив, - ответил я, - нынешнее положение не кажется странным; эта комната самая странная часть истории".

"Не странно?" - эхом отозвалась она.

"Даже так", - ответил я. "Эмоций, которые вы, очевидно, приписываете мне и которые, как я ожидал, будут сопровождать этот визит, я просто не испытываю. Я осознаю все, что предполагает это окружение, но без того волнения, которого я ожидал. Вы не можете быть удивлены этому так сильно, как я сам. С того ужасного утра, когда вы пришли мне на помощь, я старался не думать о своей прошлой жизни, точно так же, как избегал приходить сюда, опасаясь волнующих последствий.

Я для всего мира подобен человеку, который позволил поврежденной конечности лежать неподвижно, полагая, что она чрезвычайно чувствительна, и при попытке пошевелиться обнаруживает, что она парализована".

"Ты имеешь в виду, что у тебя пропала память?"

"Вовсе нет. Я помню все, что связано с моей прежней жизнью, но с полным отсутствием острых ощущений. Я помню это так ясно, как будто с тех пор прошел всего лишь день, но мои чувства

по поводу того, что я помню, столь же слабы, как если бы для моего сознания, как и на самом деле, прошло сто лет. Возможно, это тоже можно объяснить. Эффект изменения окружения подобен эффекту течения времени, когда прошлое кажется далеким.

Когда я впервые очнулся от этого транса, моя прежняя жизнь казалась вчерашней, но теперь, когда я научился узнавать свое новое окружение и осознавать поразительные изменения, которые преобразили мир, мне больше не трудно, а очень легко осознать, что я проспал столетие. Можете ли вы представить себе такую вещь, как прожить сто лет за четыре дня? Мне действительно кажется, что я сделал именно это, и что именно этот опыт придал моей прошлой жизни такой отдаленный и нереальный вид. Можете ли вы представить, как это могло бы быть?"

"Я могу себе это представить, - задумчиво ответила Эдит, - и я думаю, мы все должны быть благодарны, что это так, потому что это избавит вас от многих страданий, я уверена".

"Представьте себе, - сказал я, пытаюсь объяснить, как в значительной степени себе, так и ей, странность моего психического состояния, - что мужчина впервые услышал о тяжелой утрате через много-много лет, возможно, через полжизни, после того, как это событие произошло. Я полагаю, что его чувства, возможно, были бы примерно такими же, как у меня. Когда я думаю о своих друзьях в мире того прежнего дня и о горе, которое они, должно быть, испытывали по отношению ко мне, это скорее с задумчивой жалостью, чем с острой тоской, как о горе, которое давным-давно закончилось".

"Вы еще ничего не рассказали нам о своих друзьях", - сказала Эдит. "У вас было много тех, кто оплакивал вашу потерю?"

"Слава Богу, у меня было очень мало родственников, никого ближе, чем двоюродные братья", - ответил я. "Но был один, не родственник, но более дорогой мне, чем любой кровный родственник. У нее было твоё имя. Вскоре она должна была стать моей женой. "

"Ах!" - вздохнула Эдит рядом со мной. "Подумай о душевной боли, которую она, должно быть, испытала".

Что-то в глубоком чувстве этой нежной девушки затронуло струну в моем онемевшем сердце. Мои глаза, до этого такие сухие как саванна в период засухи, наполнились слезами, которые до сих пор отказывались литься. Когда ко мне вернулось самообладание, я увидел, что она тоже безудержно плакала.

"Да благословит Господь твоё нежное сердце", - сказал я. "Вы хотели бы увидеть её фотографию?"

Маленький медальон с изображением Эдит Бартлетт, закрепленный у меня на шее золотой цепочкой, пролежал у меня на груди весь этот долгий сон, и, сняв его, я открыл и отдал его своему компаньону. Она с готовностью взяла его и, долго всматриваясь в милое личико, после чего прикоснулась к рисунку губами.

"Я знаю, что она была достаточно хорошей и милой, чтобы заслужить ваши слезы, - сказала она, - но помните, что её душевная боль давно прошла, и она почти столетие находится на небесах".

Это действительно было так. Каким бы ни было её горе когда-то, почти столетие она не плакала, и, когда моя внезапная страсть иссякла, мои собственные слезы высохли. Я очень сильно любил её в своей другой жизни, но это было сто лет назад! Я не знаю, может быть, кто-

то найдет в этом признании свидетельство бесчувственности, но я думаю, возможно, что ни у кого не было опыта, в достаточной степени подобного моему, чтобы позволить им судить меня. Когда мы собирались покинуть комнату, мой взгляд остановился на большом железном сейфе, который стоял в одном из углов. Привлекая к этому внимание моей спутницы, я сказал:

"Это была мой защищенный бункер, а также моя спальня. Вон в том сейфе несколько тысяч долларов золотом и любое количество ценных бумаг. Если бы я знал, когда ложился спать той ночью, как долго продлится мой сон, я бы все равно думал, что золото было надежным запасом для моих нужд в любой стране или в любом столетии, каким бы отдаленным оно ни было. То, что когда-нибудь наступит время, когда он потеряет свою покупательную способность, я должен был считать самой дикой фантазией. Тем не менее, здесь я просыпаюсь и обнаруживаю, что нахожусь среди людей, для которых за тележку золота не купишь буханку хлеба".

Как и следовало ожидать, мне не удалось внушить Эдит, что в этом факте есть что-то примечательное. "С какой стати это должно быть так?" - просто спросила она.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2778456>